

# Ольга Крылова

---

## Репрезентация культуры в бытовой лексике (на материале тематической группы «Одежда» в севернорусских говорах)

---

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica 7, 64-70

---

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej [bazhum.muzhp.pl](http://bazhum.muzhp.pl), gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Ольга Крылова

(Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург)

## Репрезентация культуры в бытовой лексике (на материале тематической группы «Одежда» в севернорусских говорах)

В настоящее время значительно возрос интерес к проблеме соотношения языка и культуры, что объясняется стремлением сопряженных областей знания к интеграции, в результате чего в конце XX в. появляются такие отрасли языкознания, как этнолингвистика и лингвокультурология. В рамках этих наук язык рассматривается как кумулятивная база этнокультурной информации, как выразитель национально-культурного своеобразия *народного духа*. В центре их внимания находятся и исследования по региональной лингвистике. Возросшее в последние годы внимание ученых к вопросам развития и функционирования народных говоров во многом обусловлено значительным вкладом диалектов в национально-речевые культуры (Е. В. Брысина, Т. И. Вендина, А. Ф. Войтенко, В. Е. Гольдин, К. И. Демидова, О. И. Жмурко, Р. И. Кудряшова, С. А. Мызников, Т. К. Ховрина и др.).

Каждый этнос отличается присущими только ему способами восприятия окружающей действительности, которые формируются на основе собственного практического освоения мира, с опорой на традиции и обычаи предшествующих поколений, с учетом установок культуры и специфики этнического сознания. Одним из важнейших компонентов этнической идентификации народа является *одежда*. Ее наименования занимают особое место в языковой картине мира человека, они непосредственно связаны с бытом, историей, культурой народа, их развитие и функционирование зависят от социальных изменений в жизни этнокультурного сообщества. Значение одежды не исчерпывается ее только утилитарной ролью. Являясь одним из наиболее устойчивых этнических показателей, народный костюм издавна выполнял обрядовые, знаковые, социальные функции. На формирование традиционного комплекса народной одежды оказывают влияние этические, эстетические представления, традиции поколений, материальные и экономические условия жизни, а также связи с другими этносами.

Специфика данной лексики такова, что анализ ее семантического спектра требует постоянного обращения к внеязыковой действительности, к этнографическим данным. Одежда неоднократно становилась объектом специальных исследований ученых (Д. К. Зеленин, И. Н. Лебедева, Н. П. Гринкова, Г. С. Маслова, Г. В. Судаков, Р. И. Кудряшова, Е. П. Осипова и др.). Этот пласт лексики тесно связан с практической и духовной жизнью человека, поэтому его изучение приближает исследователя к пониманию

особенностей культурно-исторического развития рассматриваемого этноса. В статье будет рассмотрен традиционный наряд крестьянок Русского Севера.

Традиционный женский наряд Русского Севера часто называют *сарафанным комплексом*, так как основные его части – рубаша и сарафан.

Термин *сарафан* первоначально с XIV по XVII вв. обозначал мужскую длинную распашную одежду. С XVI в. этим термином стали определять женскую накладную (надеваемую через голову) или распашную (на сквозной застежке спереди) одежду. В зависимости от материала, кроя или места бытования он мог называться *атла'сником* (*Атласник, самый лучший сарафан, из атласа шили*. Карг. Арх.), *кума'чником* (*Из кумака – кумачник, уборки внизу, потом ленточки, кружево. Сарафан гладкий, из кумача – кумачник*. Карг. Арх.), *кле'точником* (*А клеточник из льна, тоже длинный сарафан, клеточник дононешнего носили, его в клетку ткали*. Кирил. Волог., Онеж. Карел.), *кра'сиком* (*Красик – это сарафан, его никто не сошьет сейчас*. Пест. Новг. *Красик-то еще моя бабка носила, мы-то красики не захватили*. Белоз. Волог., Баб. Волог.), *дубняко'м* (*Вышла на улицу в синем дубняке*. Волог.) и др. В зажиточных семьях праздничные сарафаны шили из парчи (*парчев'ик, парчо'вник*), шелка (*ше'лко'вик*), бархата (*ба'рхатник*). Самыми завидными невестами считались девушки, носившие „золотые” сарафаны – вышитые золотными цветами по белой ткани [Работнова 1964].

Севернорусские сарафаны по покрою были разнообразны: косоклиный глухой; косоклиный распашной или со швом спереди; прямой, сбранный на обшивке, с ляжками; сарафан с лифом.

Наиболее древним считается глухой косоклиный сарафан (*шушу'н, мату'рник, маре'нник*). На сгибе перегнутого пополам полотнища прорезали отверстие для головы. Дополнительные клинья соединяли перед и спинку сарафана. Первоначально наиболее старинные образцы сарафанов имели для фасона пришитые со спины длинные узкие рукава, зачастую фальшивые. Обычно их затыкали за пояс или связывали узлом на спине. Такие сарафаны сохранялись в быту псковских староверов и в Новгородской губернии до второй половины XIX в.

Косоклиный распашной сарафан (*кли'нник, кита'ечник, феря'зь*) состоял спереди из двух полотнищ, застегивающихся на медные, оловянные или серебряные пуговицы, либо сшитых и имеющих чисто декоративную застежку. Сильно расклешенный силуэт косоклиных сарафанов, вертикальные линии отделки подчеркивали стройность женской фигуры.

Более поздние круглые, или прямые сарафаны относятся к третьему типу (*кругля'к, кру'глый сарафан*). Их шили из нескольких цельных прямых полотнищ, густо соборенных у верхнего края. Сборки прикрывались прямой обшивкой, к которой пришивали ляжки. Обычно круглые сарафаны украшались по подолу двумя-тремя полосами кружев, лент или позумента.

И наконец, четвертый тип – это сарафан с лифом (*ли'фник*), пришедший в деревню из города. Здесь основным признаком является наличие

лифа в верхней части сарафана, облегающего грудь и спину или только спину, который пришивался к пышной соборенной юбке.

Особенности в одежде различных по зажиточности групп крестьянства в середине XIX в. выражались не столько в покрое и типе одежды, сколько в качестве тканей, употреблении ценных украшений. Девушка, достигшая совершеннолетия, обязательно должна была иметь шелковый сарафан (*ше'лковик: Пасху носили шелковик. Беломор. Карел.*), или *ба'рхатник (Сарафан из бархатной материи шили, бархатник. Череп. Волог.)*. Шелковники, атласники, штофники и гарусники были дорогими, надевались по большим праздникам, и их количество у невесты указывало на уровень благосостояния семьи. Богатые девушки имели по несколько штук каждого вида сарафанов, невеста из семьи среднего состояния – только по одному. *Дала сундук окованный. В этом сундуке чего только нет! Штофники, парчовники, и золотом и серебром – всем наградила (Медв. Карел.)*. Самые бедные девушки и женщины совсем не имели атласников и гарусников, и самой их нарядной одеждой были кумачники и ситечники. *У крещеных-то было агличник да сатинник, агличник только богатые держали, а у бедных не было (Пудож. Карел.)*. *Кто жили побогаче, те уж и кашамерники заведут (Никол. Волог.)*.

Особое значение в народном костюме придавали цвету как средству наибольшей выразительности. Цвет играл существенную роль в народной одежде, сообщая определенную информацию о носителе данного костюма. При этом различие в цвете костюма воспринималось гораздо легче, чем изменения в крое или ткани, особенно на расстоянии. Цвет одежды как бы предупреждал собеседников, с кем они имеют дело и какую позицию нужно занять в отношении этого человека. У богатых невест в приданое входило до 3–5 десятков сарафанов: красные, которые носили молодыми, пестрые – для среднего возраста и синие (*синяки'*) – для пожилого. Подвенечный сарафан нередко или черного или синего цвета, красный надевали на второй день после свадьбы (он символизировал супружество).

Основной частью костюма русских крестьянок до начала XX века была длинная конопляная рубаха. Рубахи, которые носили с сарафаном, могли быть цельные: *проходни'ца (В.-У., Тотем., Никол. Волог.)*; *проходенка, проходну'ха (Тотем. Волог.)*; *однота'н, однота'нка (Волог.)*, *исце'льница, пропускни'ца (Пинеж. Арх.)*. Рубахи „исцеленницы” были распространены по рекам Мезени и Пинеге в первой половине и середине XIX в. [Работнова 1964: 12]. Рубахи составные чаще шили из разных тканей. Верхнюю часть (*рукава, воротушку, грудку, оплечье*) делали из более тонкой, частой покупной ткани, нижнюю часть (*подставку*) – из домотканины. Бытовали также рубахи из дорогих шелковых тканей, а позднее – из миткаля, ситца, колленкора сатина, парчи.

Бытовали также рубахи, состоящие только из одной верхней части, без пришивного стана. Как правило, они надевались под сарафан. Это отразилось в таких лексемах, как *пупови'ха (Шенк. Арх.)*, *полруба'шье, полруба'шьице, полуруба'шье (Пинеж. Арх.)*, *вороту'шка (Тотем. Волог.)*.

В деревне дни сенокоса, окончания жатвы, первого выгона скота считались праздничными, и крестьянки наряжались в специальные рубахи с богато украшенными подолами (*подо'льница*: Если становина вышита, то это подольница. Онеж. Карел.; *поко'сница* (Волог., Арх.), *сенокос'ница*: Сенокосницы были с моршатами, сено косили в них. Волог.; *наподо'льница*: К сенокосу девки и бабы готовят себе чистые наподольницы – рубахи с вышитыми по подолу из красной бумаги каймами, или с обложенным кругом его лентами и кружевами. Кадн. Волог.; *жа'тельная рубашка*: Как рожь-то поспеет, выходили мы жать и одевали жательные рубашки. Женщины рубахи жательные имели, мужчины все в том же, что и дома. Кириш. Ленингр.; *страдаву'шка*: Страдовушки, когда жать, рожь жати с красным узором страдовушка, а овес жать – с белым узором. Сол. Новг.). Носили их с большим напуском под опояском – узким ярким пояском, под который подтыкали холщовый платок или полотенце для вытирания пота. Иногда этот наряд дополнялся передником либо юбкой. В северных губерниях покосные рубахи со второй половины XIX в. начинают шить с верхом из кумача и станом из белого холста, клетчатой пестряди или набойки. Широкая полоса тканого геометрического узора, украшавшего подолы, превышала порой 30 см. В более ранние времена она выполнялась только из красных ниток, позднее дополнилась вышивкой разноцветным гарусом.

С глубокой древности на Руси существовал обычай шить праздничные рубахи с очень длинными рукавами, собиравшимися у запястья красивыми складками. В праздничной и свадебной одежде Вологодской, Олонецкой, Архангельской губерний встречались рубахи с рукавами длиной до 100 – 120 см (*долгорука'вки*). В Олонецкой и Архангельской губерниях свадебные рубахи с такими длинными рукавами назывались *убива'льницами* [Работнова, Вишневская, Кожевникова 1962: 18], *пла'кальнями* или *маха'вками* [Тазихина 1972: 133], *маха'льницами*, так как уезжавшая под венец невеста, прощаясь с родными, причитала („убивалась“) и размахивала длинными рукавами.

Важной составной частью праздничного сарафанного комплекса была плечевая одежда – *душегре'я* (*коротена*) – род короткого кафтана с рукавами или без рукавов (*обжи'м*, *обжима'лка*: Сошью обжималку, это безрукавка на вате. Череп. Волог.; *лиф*: Ватной лиф носили, коротенькой и без рукавов, а грудь обожмет – вот и тепло. Онеж. Арх.; *ли'фик*: На плечи надевали лифик, не такой как теперь. Белоз. Волог.). Бытовала и совсем коротенькая безрукавка на лямках (*перо'*, *перышки*, *епанечка*) с трубчатыми складками на спине. Особенно нарядные образцы такой одежды изготавливались из узорных шелковых тканей, парчи, бархата, сплошь расшитого золотными нитями. Для тепла душегрейки подбивали ватой. Распашные *шугаи'* (тип жакета) с рукавом простегивали на вате, отложной воротник и рукава отделявали мехом: *А из бархата такой шугай шила, таких и нет теперь.* (Пуд. Карел.)

Женский севернорусский костюм отличался от девичьего головным убором. Девушки полностью волосы не закрывали, а замужние женщины их тщательно убирали. Девушки до замужества носили *повя'зку*, *поче'лок*

– девичий головной убор в виде широкой ленты, украшенной жемчугом, бисером, позументом. Этот головной убор закреплялся двумя тесемочками на затылке. Достигая совершеннолетия, девушка вплетала в косу ленту с бантом на конце в знак того, что ее можно сватать. Сговоренка, т.е. просватанная девушка, надевала *повязку с нате'мником* – кружком или овалом, прикрывающим ей макушку. Это был переходный тип головного убора от девичьего к женскому. Просватанная невеста украшала косу длинной широкой лентой красного или желтого цвета. В день венчания или накануне невеста передавала ленту (девичью волю) своим подружкам. В Архангельской, Вологодской губерниях иногда косу убирали под длинный белый вязанный колпак, носивший название „*честного*“. Наиболее распространенными венчальными головными уборами на Русском Севере были также *го-лодво'рец, вене'ц, кону'ра, кору'на*. Они были дугообразной формы или в виде широкого обруча, обязательно с открытым верхом, который венчал веноч из искусственных цветов или лент.

Важнейшим элементом свадьбы был ритуал надевания на голову ноборачной женского головного убора – повивание, окручивание, снятие покрова. Девичья прическа менялась на женскую: две косы укладывались вокруг головы и убирались под *мо'ршень, бору'шку*, являющиеся уже закрытыми уборами.

Крестьянки среднего возраста и старухи носили под платком *пово'йники* или *косынки*, молодые женщины по праздникам украшали голову кокошником.

Еще одной разновидностью северных женских головных уборов была *шамшура* – тип шапочки с твердым околышком или дном и завязками сзади. В большинстве губерний дорогие кокошники и шамшуры носили с платками, вышитыми золотными и серебряными нитями.

Русский народный костюм на протяжении длительного времени (XVIII – сер. XX вв.) был относительно стабилен, что отмечалось практически всеми исследователями. Вместе с тем, в течение двух с половиной столетий шел непрерывный процесс развития традиционной одежды. Одни вещи заменялись другими, менялись их покрой, цвет, материал, из которого они шились, изменялась манера ношения того или иного предмета одежды, включались новые, не типичные для традиционного костюма предметы. Особенно активными были изменения в покрое одежды: косоклинные сарафаны заменялись на прямые, вместо верхней одежды с прямой цельной спинкой появлялась верхняя одежда, отрезная по талии, со сборками вокруг талии, изменялись фасон и состав головных уборов. Так, в Олонецкой губернии ушли в прошлое „старинные сарафаны (кунтуши, кундыши, матурные шубы) с широкими ляжками, к которым сзади прикреплялись две ленты, называемые рукава... Сейчас эти сарафаны не носят. Сейчас сарафан похож на юбку. Он кроится из пяти-шести полотнищ, причем передние полотнища делаются длиннее ее задних и боковых... ляжки узкие, обшитые тесьмой. Сарафан стягивается поясом“ [Миллер 1983: 25]. В 80-е годы XIX века у девушек Олонецкой губернии

в моду входит кафтан: „Как на новую моду, возникшую, впрочем, в самой деревне, можно указать на “пятишовки” и “семишовки”. Они шьются на вате или кудели, покрываются сукном, кумачом, ситцем, кроются в талию, спереди без выгачек с широкой юбкой, доходящей до половины бедра. На спине и по бокам делаются пять или семь швов, которые отмечаются пятью или семью пуговицами, идущими вдоль талии” [Миллер 1983: 6].

В конце XIX в. получил распространение *казачо'к* (Карг. Арх.); *каза'к* (Кондоп. Карел.); *каза'чка* (Кем. Карел.); *ба'ска* (Чаг. Волог., Подп. Ленингр.) – длинная кофта, сшитая по фигуре, с невысоким стоячим воротником, с рукавами, широкими вверху и узкими у кисти. Казачок застегивался спереди на пуговицы. Носили его с юбкой или сарафаном.

На рубеже XIX и начала XX вв. в моду вошла городская *па'ра* – парная с сарафаном, а позднее с пышной юбкой приталенная кофта. Как правило, ее шили из одинаковой материи: *У невесты была пара* [сарафан и кофта] *одета*. Пуд. Карел. Женский костюм, состоящий из юбки и кофты, в вологодских говорах получил название *парешка* (*У ей парешка-то баская*); *па'рка* (*Больно у тя парка-то седни добра. Где уж эдакую парку-то себе огоревала?* Волог. Волог.); *па'рочка* (*Сарафаны-то баские шили да кофты казачки были. Вот накинут такую парочку и на гулянье ходили.* К.-Г. Волог.; *А если он придет к зиме, дак парочку купит, это платье, отдельно юбка и кофта.* Вашк. Волог., Баб. Волог., Карг. Арх., Онеж., Прион., Пуд. Карел., Подп. Ленингр.).

Таким образом, представленный материал позволяет говорить нам о том, что диалектная лексика, номилирующая и характеризующая одежду, тесно связана с практической и духовной жизнью человека, и изучение данного пласта лексики приближает исследователя к пониманию особенностей культурно-исторического развития этноса.

## Библиография

- Миллер В. Ф. [1983], *Систематическое описание коллекций Даиковского этнографического музея*, т. 3., Москва.
- Работнова И. П. [1964], *Русская народная одежда*, Москва.
- Работнова И. П., Вишневецкая В. М., Кожевникова Л. А. [1962], *Народное искусство Архангельской области. Сборник трудов НИИХП*, Москва, вып. 1, с. 3–35.
- Тазихина Л. В. [1972], *Север Европейской части РСФСР, Крестьянская одежда населения Европейской России: XIX – н. XX в. Определитель*, Москва.

## Список использованных словарей

- Филин Ф. П., Сороколетов Ф. П. (ред.) [1965–2010], *Словарь русских народных говоров*, Ленинград, Санкт-Петербург, вып. 1–43.
- Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* [1994–2005], Санкт-Петербург, вып. 1–6.
- Паникаровская Т. Г. (ред.) [1983–2007], *Словарь вологодских говоров*, Вологда, вып. 1–12.
- Гецова О. Г. (ред.) [1980–2004], *Архангельский областной словарь*, вып. 1–12.
- Новгородский областной словарь* [1992–2000], Новгород, вып. 1–13.

## Summary

Olga Krylova

*The representation of culture in the household vocabulary (based on the material of the theme group "clothes" of the Northern Russian dialects)*

Dialectal material, as it is widely known, is a concentration of archaic elements, in the best way reflecting the features of traditional culture of the Russian people, their consciousness and self-consciousness. In this connection, and also taking into account the modern state of Russian dialects, characterized by gradual extinction and loss of many archaic elements, research of dialectal language (especially in its local varieties) as a source of information about condensation of people's cultural experience acquire a special meaning today.

A suit as one of the components of national culture exposes and reflects normative, utilitarian, aesthetic, morally-ethical, regional, functional, ethnic and other traditions which are historically and socially determined. The traditional dress of peasants of the Russian North is considered in the paper.